УДК 1:316

ПРАВОВАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПЕРЕХОДНУЮ ЭПОХУ

Исеева Эльвира Рамилевна,
Уфимский государственный университет экономики и сервиса, аспирант кафедры философии, политологии и права, г. Уфа, Россия.
E-mail: filosofiya80@mail.ru

Аннотация
В статье предпринимается попытка на примере переходной эпохи, пережитой Россией в XVIII – начале XX вв., предложить одну из возможных интерпретаций ответа на вопрос, рассмотрев роль, которую в идентификационной преемственности играет институт права – важнейший регулятор социальных взаимодействий.

Ключевые понятия:
преемственность, идентификация, переходная эпоха, реформирование, модернизация.

Переходные эпохи в истории общества, независимо от того, совершается этот переход при сохранении относительной устойчивости общественной системы или в состояниях сильной ее неравновесности, характеризуются высокой динамичностью изменений, охватывающих с большей или меньшей последовательностью все общественные сферы. Как отмечают современные исследователи переходных эпох, в диалектическом сочленении непрерывности и прерывности – суть исторического движения в его онтологическом виде», поэтому важнейшей функцией социальной науки является познание «динамической целостности последовательной цепи изменений и колебаний, выраженных (или отраженных) в различных формах жизнедеятельности общественных структур»[2, с. 7].

«Динамическая целостность» переходной эпохи в значительной мере определяется характером связей, возникающих между традицией и новизной, степенью выраженности в них органической преемственности «старого» и нового». Еще А. де Токвиль, исследуя характер взаимосвязей прошлого и настоящего на примере французской революции, что сколь бы разрушительны не были, на первый взгляд, происходящие социальные изменения, сколь бы радикально не отличались возникающие на институциональных развалинах прошлого институты настоящего, в действительности между ними всегда существует большая или меньшая преемственность, уровень которой непосредственно влияет на сохранение обществом своей цивилизационной идентичности» [8].

Проблема индивидуальной и коллективной (социальной) идентичности – одна из философских проблем, вполне относимая к числу «вечных», привлекшая внимание таких мыслителей, как И.Г. Гердер, Г.Ф.Т В. Гегель, И. Кант, М. Вебер, О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гассет, К. Ясперс, Н. Элиас, П. Сорокин и многие другие. В современную эпоху глобальных социальных и культурных сдвигов, поставивших под сомнение ранее казавшиеся устоявшими представления о месте человека в обществе и месте разных обществ относительно друг друга, проблема идентичности вновь вышла на первый план, что нашло своё отражение и в отечественной философской мысли [7]. Одно из центральных мест в изучении этой проблемы занял вопрос о национально-культурной идентичности российского общества, о факторах, определявших её преемствен-

ность по отношению к той идентичности, в рамках которой себя определяли императорская Россия и СССР. В настоящей статье предпринимается попытка на примере переходной эпохи, пережитой Россией в XVIII – начале XX вв., предложить одну из возможных интерпретаций ответа на этот вопрос, рассмотрев роль, которую в идентификационной преемственности играет институт права – важнейший регулятор социальных взаимодействий.

Различные подходы к проблеме идентичности, разработанные в рамках психологии, социологии и антропологии, сходятся в том, что идентичность индивидов, коллективов и обществ определяется в процессах различений/отождествлений, являющихся результатом социокультурных взаимодействий и коммуникаций [3, с. 109].

Процессы «различения/отождествления» основываются на исходной дихотомии хЯ/Другой» («Мы/Другие»), выявляющей своё содержание через совокупность индивидуальных и групповых взаимодействий и коммуникаций. Применительно к национально-культурной идентичности данная дихотомия формируется на уровне взаимодействия обществ (через индивидуальные, коллективные и государственные коммуникации).

Цивилизационная идентификация России исторически оказалась в известной мере производной от европейской. Это произошло в силу того, что для европейских обществ нового времени в роли «Другого», по отношению к которому определялся их собственный набор идентификационных характеристик, стал символический Восток, конкретно-исторически первоначально ассоциировавшийся с Турцией, затем – с Россией. Решающую роль в возникновении подобной идентификации играл не природно-географический, а религиозно-культурный фактор: христианская Европа определяла себя через противопоставление исламской (нецивилизованной) Турции и православной России.

Представление о религиозно-культурном различии с Европой (Западом) как основе собственной идентификации в роли «Святой Руси» и «Третьего Рима» доминировало, во всяком случае до XVIII в., и в самой Руси-Московии-России, в то время как противопоставление с исламским миром столь значительной роли в идентификации не играло (прежде всего по причине значительной роли в становлении Московского государства золотоордынского наследства).

По мере модернизации российского общества, начавшегося с преобразований Петра I, в традиционную ткань социальных контактов и взаимодействий, базировавшихся на сложившейся в Московской Руси социальной системе «власть – собственность»[5], начали внедряться новые модели контактов и взаимоотношений, потребовавшие соответствующих институциональных изменений. При всей существенной имитационности появлявшихся в Российской империи государственно-правовых институтов, копировавших во многом скорее форму, нежели содержание европейских образцов, в исторически сложившейся системе «Мы/Другие» – православный Восток (Россия) против католически-протестантского запада (Европа) – однозначность противоположности исходных образов стала сглаживаться.

Петровские реформы, как и некоторые преобразования его ближних и дальних преемников, современной социальной наукой в целом расцениваются в парадигме модернизации, то есть длительной переходной эпохи от аграрного общества к обществу индустриальному. Но, заимствуя европейские образцы, императорская Россия неизбежно (прежде всего, на уровне интеллектуальной и политической элиты общества) сталкивалась с проблемой переосмысления своей идентичности по отношению к «Другому», часть институтов которого оказывалась адаптируемой и к решению собственно российских задач.

Если под таким углом зрения взглянуть на изменения, которые претерпевала на протяжении XVIII – первой половины XIX вв. правовая система Российской империи, то в многочисленных правовых актах, издаваемых российскими императорами и императрицами, можно обнаружить явную двойственность в отношении к правовой преемственности.

С одной стороны, было налицо настойчивое стремление законодателя, от Петра I до Николая I, к воспроизведению, пусть и в несколько «облагороженной», согласно требованиям времени, терминологии, норм, содержательно идентичных основополагающим нормам традиционного государственного, административного, уголовного права, ранее закреплённым в Соборном уложении 1649 г., – этом правовом каркасе самодержавно-крепостнической Руси–России. Как замечал в этой связи один из лучших знатоков отечественной истории права В. И. Сергеевич, «переход из одного состояния в другое, не завися от

свободной воли законодателя, не делается моментально по его предписанию. Старое нередко живет наперекор всем усилиям законодателя» [4. с. 5].

С другой стороны, прослеживалось не всегда последовательное, но непрерывное преобразование отрасли гражданского права, то есть сферы регулирования повседневных социальных взаимодействий жителей империи, формально часто сохранявшее преемственность новых узаконений с прежними, но, по сути, всё дальше отходившее от них. Сама меняющаяся экономическая действительность настоятельно требовала правового регулирования индивидуальных и коллективных взаимодействий по имущественным, наследственным, семейным, обязательственным и иным вопросам, отвечавшего потребностям не прошлого, аграрного, а становящегося аграрно-индустриальным социума. И здесь не оказывалось иного пути, как приспосабливать, вписывать в российские реалии правовые нормы либо прямо заимствованные, либо созданные по образцам европейского гражданского права (в первую очередь французского Гражданского кодекса Наполеона).

Двойственность правовой политики российской государственной власти в известной мере нашла свою законченную форму в процессе систематизации законодательства, завершившегося изданием Свода законов Российской империи 1832 г. и его последующими редакциями в 1842 и 1857 гг. Содержательно этот, бесспорно, выдающийся юридический документ отразил переходный характер времени своего создания – доминирование правовой преемственности, особенно отчётливо заметное в государственном праве, соединилось с правовой новизной, характерной для гражданского права.

Эволюция правовой системы по отношению к изменениям, претерпеваемым всем социумом, есть отражение прежде всего социальных процессов, в самом общем плане сводимых к двум взаимодействующим, но одновременно и противоречивым составляющим – социальной дифференциации и социальной интеграции.

В первом случае происходит распад, разрушение прежних относительно стабильных социальных страт (сословий, классов, больших групп), связи между ними становятся неустойчивыми, а взаимодействия, реализуемые по прежним стереотипам социального поведения, не дают ожидаемых результатов. Во втором случае происходит возникновение новых или качественная трансформация старых социальных связей, идёт постепенная консолидация вновь образующихся или трансформирующихся социальных групп и межгрупповых отношений, возникают новые стереотипы социального поведения. В ходе этого двойственного процесса поведение не только отдельных индивидов, но и целых (разрушающихся старых и зарождающихся новых) социальных групп приобретает черты спонтанности, непрогнозируемости, резких, внешне немотивированных переходов от одних форм взаимодействия к другим, иногда совершенно противоположным.

Подобную двойственность можно оценить как проявление одной из закономерностей переходных процессов в переживающем модернизацию обществе – амбивалентности социальных изменений. В обществе одновременно, но с разной скоростью развиваются два процесса: дифференциации (применительно к аграрному обществу распада прежней сословной структуры социальной организации) и интеграции (формирования основ новой классовой структуры) [6].

В результате в повседневных взаимодействиях индивидов и социальных групп, с одной стороны, резко увеличивается количество случайных контактов между ранее не пересекавшимися в социальном пространстве субъектами, объективно принадлежащими к старым и новым социальным группам, с другой стороны, в выборе способов и форм таких контактов доминирующим становится фактор чисто ситуативного поведения. Социальные субъекты сталкиваются с новой для них ситуацией, когда резко сокращается диапазон прогнозируемости исхода социального взаимодействия, поскольку рефлексируемые или бессознательные модели поведения, используемые, основываясь на прежнем опыте, утрачивают свою эффективность, сталкиваясь с неспособностью учесть в них фактор потенциальной инаковости реагирования «Другого». Последствием возникновения множества подобных повседневных ситуаций взаимного «непонимания» становится общее нарастание «хаотичности» внутри общества, развитие центробежных процессов и, кроме того, прогрессирующая утрата индивидами и коллективами вербализируемых и бессознательных критериев «отождествления/различения».

Правовое регулирование всех этих взаимодействий в руках существующей госу-

дарственной власти оказывается важнейшим средством сохранения относительной стабильности и равновесия социальной системы на протяжении переходного этапа. Но для этого власть вынуждена идти на правовые новшества, учитывающие потребности тех социальных групп (в основном предпринимательского, буржуазного характера), без активного участия которых невозможна экономическая модернизация.

В результате в правовой системе аграрного общества в условиях модернизации, даже на первом её этапе, возникают разнонаправленные тенденции, которые нарушают системную целостность, согласованность и соответствие между отдельными отраслями права, а также и внутри отраслей – между отдельными институтами права.

Подобная ситуация, в свою очередь, чем дальше, тем больше дезорганизует, хаотизирует правоприменительную практику, что становится дополнительным и крайне опасным фактором дестабилизации всей общественной системы. Правовая система начинает, подобно непосредственно определяющей ее эволюцию сословной системе, «расползаться», утрачивать свою стабилизирующую функцию, превращаться еще в одну структурную единицу, кризис которой, соединяясь с другими структурными кризисами, приближает момент вхождения всей общественной системы в неравновесное состояние, которое является предвестником системного кризиса, грозящего саморазрушением всей общественной системы, а, значит, и утратой основ прежней идентичности.

Специфичность положения России времени раннеиндустриальной модернизации заключалась в том, что страна переживала этот этап модернизации одновременно с становлением ее в качестве мировой империи, а это вело к новому системному противоречию: « … империя сталкивается с двумя противоположными импульсами: объективной необходимостью запуска модернизационных процессов как способа обеспечить экономическую и военно-политическую конкурентоспособность по отношению к странам, уже вступившим на этот путь, и объективной же необходимостью блокировать разрушительное воздействие модернизации на все аспекты имперской идентичности» [1, с. 83].

Это противоречие неизбежно транслировалось на действия власти в правовой сфере. Заинтересованность государства в успехах экономической модернизации как основе имперской военно-политической мощи диктовала необходимость соответствующего правового обеспечения экономической части модернизационного процесса, то есть правовых новшеств, неизбежно вступавших в противоречие с прежним законодательством. Отсюда нарастание, даже помимо намерений их инициаторов, правового реформизма в сфере гражданских отношений, испытывавших возрастающее влияние рыночных взаимодействии социальных субъектов. В то же время заинтересованность власти в сохранении основ традиционалистской общественной системы столь же неизбежно диктовала правовой консерватизм, стремление к минимизации или предотвращению любых изменений, способных хотя бы в потенции этим основам угрожать, что, в первую очередь, отражалось на государственном праве.

В результате происходил нарастающий разрыв в правовой преемственности, и система права в целом начинала утрачивать свою внутреннюю взаимосвязь. В этом смысле можно говорить о прогрессирующей утрате в данной общественной подсистеме динамической целостности происходивших в ней изменений.

Последующая эволюция правовой системы Российской империи на протяжении второй половины XIX – начала XX вв., когда после либеральных реформ Александра II общество перешло на стадию собственно индустриальной модернизации, подтвердила эту общую тенденцию. Чем дальше развивался процесс модернизации, тем больше правовых новшеств, охватывающих вслед за гражданско-правовой сферой и остальные отрасли права, вплоть до государственного, вынуждена была внедрять власть, но тем самым всё в большей мере начинала «размываться» имперская национально-культурная идентичность. Конечно, решающую роль в подобном «размывании» играли не правовые, а совокупность всех социально-экономических и политических факторов, кризис ценностной системы традиционного российского общества, но нельзя недооценивать того факта, что внутренняя противоречивость правовых норм, несогласованность старых и новых правовых установлений, ставшие обыденностью российской действительности начала XX в., подрывавшие органическую преемственность права и все чаще подменявшие ее ситуативной рецепцией из европейских правовых источников, сыграли свою роль

в подрыве и без того непрочного правосознания общества, столь ярко проявившего свои катастрофические последствия в годы революционных потрясений.

1. Васильев, Л.С. Модернизация как исторический феномен (о генеральных закономерностях эволюции) [Текст] / Л.С. Васильев. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011. 188 с.

2. Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2010. Том IV. Человек в поисках идентичности. М.: Ассоциация «X Междисциплинарное общество социальной теории», 2010; Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2011. Том V. Человек в изменяющемся мире: проблемы идентичности. М.: Изд-во Независимого института гражданского общества, 2011; Рубцов А. В. Российская идентичность и вызов модернизации. М.: Экон-Информ, 2009.

3. Каспэ, С.И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика [Текст] / С.И. Каспэ. М.: РОССПЭН, 2001. 83 с.

4. Мальков, В.Л. Предисловие [Текст] / В.Л. Мальков // Переходные эпохи в социальном измерении: История и современность. М.: Наука, 2003. С. 7.

5. Орлова, Э.А. Концепции идентичности/ Идентификации в социально-научном знании [Текст] / Э.А. Орлова // Вопросы социальной теории. 2010. Том IV. С. 109.

6. Сергеевич, В.И. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С. 5.

7. Токвиль, А. де. Старый порядок и революция [Текст] / А. де Токвиль. СПб.: Алетейя, 2008.

8. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.

1. Vasil'ev, L.S. Modernizacija kak istoricheskij fenomen (o general'nyh zakonomernostjah jevoljucii) [Tekst] / L.S. Vasil'ev. M.: Fond «Liberal'naja missija», 2011. 188 s. (Russian).

2. Voprosy social'noj teorii: Nauchnyj al'manah. 2010. Tom IV. Chelovek v poiskah identichnosti. M.: Associacija X Mezhdisciplinarnoe obshhestvo social'noj teorii», 2010; Voprosy social'noj teorii: Nauchnyj al'manah. 2011. Tom V. Chelovek v izmenjajushhemsja mire: problemy identichnosti. M.: Izd-vo Nezavisimogo inctituta grazhdanskogo obshhestva, 2011; Rubcov A. V. Rossijskaja identichnost' i vyzov modernizacii. M.: Jekon-Inform, 2009 (Russian).

3. Kaspje, S.I. Imperija i modernizacija: Obshhaja model' i rossijskaja specifika [Tekst] / S.I. Kaspje. M.: ROSSPJeN, 2001. 83 s. (Russian).

4. Mal'kov, V.L. Predislovie [Tekst] / V.L. Mal'kov // Perehodnye jepohi v social'nom izmerenii: Istorija i sovremennost'. M.: Nauka, 2003. S. 7 (Russian).

5. Orlova, Je.A. Koncepcii identichnosti/ identifikacii v social'no-nauchnom znanii [Tekst] / Je.A. Orlova // Voprosy social'noj teorii. 2010. Tom IV. S. 109 (Russian).

6. Sergeevich V.I. Lekcii i issledovanija po istorii russkogo prava. SPb., 1883. S. 5. (Russian).

7. Tokvil', A. de. Staryj porjadok i revoljucija [Tekst] / A. de Tokvil'. SPb.: Aletejja, 2008 (Russian).

8. Jejzenshtadt Sh. Revoljucija i preobrazovanie obshhestv. Sravnitel'noe izuchenie civilizacij. M.: Aspekt Press, 1999. 416 s. (Russian).

UDC 1:316

LEGAL CONTINUITY AND NATIONAL CULTURAL IDENTITY IN THE TRANSITIONAL PERIOD

Iseeva Elvira Ramilevna,
Ufa State University of
Economics and Service,
Postgraduate Student of the Chair
of Philosophy,
Politology and Law,
Ufa, Russia.
E-mail: filosofiya80@mail.ru

Annotation
The article attempts to suggest one of the possible interpretations of answering the question: what is the role of institute of law – the most important regulator of social interrelation in identification continuity as exemplified by the transitional period in Russia in XVIII – the beginning of XX centuries.

Key concepts:
continuity,
Identification,
transitional period,
reforming,
modernization.